

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

© 2012 г. Леонид Соломонович Мамут¹

Краткая аннотация: самоидентификация государства есть его идентификация в официальной версии. Согласно общему правилу она является результатом активности институтов (органов государства как таковых). Самоидентификация государства – процесс его легитимации и ее необходимое условие.

Annotation: the self-identification of the state is its identification in the official version. According to the general rule, it is the result of the activities of the institutions (organs of the state of such). The self-identification of the state is usually process its own legitimation its necessary prerequisite. The legitimation it on of the most reliable supports of the statehood and on of the main phenomena of the political tury.

Ключевые слова: государство, институты государства, идентификация, самоидентификация, легитимность, легальность.

Key words: a state, institutions of state, identification, self-identification, legitimation, legality.

Зачин статьи такой: государство (государственность) есть публично-властная форма организации социально-стратифицированного общества. Человеческий субстрат (состав людей) у государства и у общества один и тот же. Другим он и быть не может по определению. Вот только роли, исполняемые людьми в государстве и в обществе, разные. Если рассматривается государство, то человек (причем совершенно любой) берется *исключительно* как тот или иной участник (субъект) публично-властных отношений. Самоочевидной истиной является исторически конкретный характер всякого общества и соответствующего ему государства. Двух абсолютно похожих (похожих от альфы до омеги) государственных близнецов не бывает. Во всяком случае история цивилизации такого не знает. Государство понимается специфически устроенным многоэлементным субъектом макроколлективной деятельности; одновременно оно видится социальным процессом, упорядочивающей (управленческой) функцией; ее объект – образующие этот макроколлектив людей, их поведение действия.

В государстве как публично-властной форме организации социально-стратифицированного общества своим структурным воплощением особо выделяется *аппарат* государства, т.е. корпус лиц, профессионально занятых принятием организационно-управленческих решений (отдающих приказы, команды, распоряжения и т.п.), а также тех, кто государственный аппарат прямо обслуживает. Аппарат государства – очень важное, необходимое звено, неотъемлемая часть того целого, коим выступает само государство. Часть никогда нельзя считать равней целому, ибо она на деле не равновелика ему. Тому, кому затруднительно четко различать государство и государственный аппарат по множеству присущих только каждому из них параметров, тому лучше воздерживаться от размышлений о государственности, о политических порядках в ней.

* * *

Об идентификации и идентичности. Обращение к ним непременно должно предшествовать анализу производной от них проблемы самоидентификации и самоидентичности.

Что же такое идентификация? В данном случае речь идет о постоянно совершающемся процессе сопоставления, сличения того состояния, в котором находится субъект (индивид, группа людей, их общность), с другим, жизненно нужным состоянием (реальным или воображаемым). Главное в этом на мгновение не прекращающемся процессе – отождествление, полное смешение действительного состояния субъекта с сопоставляемым (желаемым) состоянием. Идентичность – результат, итог идентификации. Заключается он в том, что субъект (социальный актор) воспринимает, разделяет и практикует нормы, ценности, язык, культуру иного мира (состояния), с которым этот социальный актор отождествляется.

Самоидентификация субъекта принципиально отличается, на мой взгляд, в одном отношении от идентификации. Обычно субъекта так или иначе идентифицируют *сторонние* (часто даже чуждые ему) акторы. Они могут (способны) всякий раз по-разному определять, оценивать его. В их глазах он предстает то добрым, то злым; то великим, то малозначительным; то светлым ангелом, то погрязшим в тяжких пороках грешником и т.д. Зависит все от избираемых критериев. При самоидентификации такого рода разброс оценок в норме невозможен, поскольку она идет от самого субъекта, направлена на него, совершается им касательно себя самого, себе на пользу. Посему самоидентичность (по общему правилу) – вещь позитивная. Если же она по каким-либо экстраординарным причинам оказывается негативной, обязательно требуются их дополнительные разъяснения.

Возникает трудный вопрос, который непосредственно связан с идентификацией, самоидентификацией государства. Трудность обусловлена тем, что еще масса людей продолжает думать, будто в процессах идентификации и самоидентификации участвуют только (и единственно) отдельно взятые индивиды. Лишь они суть реалии, носители эмпирически measurable сознания. Группы людей, их общности, макроколлективности (стало быть, и государства тоже) идентифицироваться, самоидентифицироваться бессильны. Этих субъектов, рассуждает пока все еще немалое число людей, – фактически просто не существует. Ведь с этими субъектами нельзя повстречаться на улице, выпить с ними чашечку кофе и т.п. Они – фикции, химеры, порождения рассудка.

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор (E-mail: igpran@igpran.ru).

Все еще продолжается старый, со времени западноевропейского средневековья непримиримый спор между номинализмом и реализмом. Номиналисты яростно отрицали бытие универсалий, искренне полагая их отвлеченными ума (именами, пошепам'и), относящимися к механической сумме исключительно единичных явлений. Реалисты, напротив, боролись с мнением о том, что в природе (социуме) нет практических, вполне земных двойников виртуальных универсалий. Склоняюсь к реалистической точке зрения. Склонение такое тем выразительнее, что тенденцией развития и обогащения этой точки зрения было перерастание ее в современный рационализм. Последнее слово остается за модифицированным реализмом, адаптирующимся к сегодняшнему дню.

* * *

Теперь пора перейти к освещению критериев, которые избираются при самоидентификации государства. Понятно, что предложить их исчерпывающий перечень и мало-мальски обстоятельно прокомментировать его – задача утопическая. Поневоле придется ограничиться кратким описанием лишь некоторых из них. Напрашивается, однако, предупреждение. В очень немногих случаях тот или иной критерий берется поштучно, в изоляции от других критериев. Большей частью они фигурируют в комплексах, крупно. Презюмируется также, что самоидентификацией государства положено считать делаемое официально институтами государственности. Мнения, выражаемые группами общества и важные сами по себе, лишены качества самоидентифицируемости государства.

Вероятно, в ряду наиболее ранних критериев самоидентификации государства почетное место заслуженно занимает традиция. Несколько слов о ней. Она – осевшая и закрепившаяся в сознании (памяти) и в практическом поведении модель определенных общественных установлений, норм, ценностей, идей, обыкновений и т.д. Все передаваемое, транслируемое этой моделью, приобретаемый ею вид зависят от стечения конкретно-исторических обстоятельств, от композиции и содержания социальных форм, всякий раз складывающихся по-новому.

Традиции – не набор наспех сколоченных, невесть как сбившихся в аморфную груду трансляций. Это – упорядоченная структура, части которой взаимосвязаны и взаимозависимы. Но сильно ошибаются те, кто смешивает в ней в одну кучу традиции передовые, конструктивные, полезные для общества и государства с традициями ретроградными, деструктивными, разрушающими социальную “ткань”. А таковые – тоже не редкость. Когда К. Маркс произносил свой знаменитый афоризм: “Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых”, то он имел в виду традиции, не ладящие с тем историческим конкретным временем, в котором им приходится действовать.

Вернемся, однако, к традициям самоидентификации государства, твердо памятуя о том, что их авторы (и носители, и трансляторы) – официальные институты государственности. Если подразумевать под государственностью современные государственные устройства, то самоидентифицируются они в конституциях. При этом наперед акцентируются политические и легалистские (законнические) принципы таких устройств.

Провозглашается, к примеру, в ст. 1 (ч. 1) Конституции Испании “Испания конституируется как правовое демократическое социальное государство...”; или ст. 1 (ч. 1) Конституции РФ гласит: “Российская Федерация – Россия

есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления”. Каждый здравомыслящий человек понимает: подобного рода декларации – вовсе не свидетельство того, что названные государства в обрисованном модусе уже состоялись и их Основные Законы лишь фиксируют апостериорный факт. Между провозглашенным и действительно наличным (между должным и сущим) всегда имеется разрыв. Его заполняет бесконечный процесс реализации, воплощения провозглашаемого, декларируемого.

Если самоидентификация современного государства (акцентирование желательных политических и легалистских его черт) фиксируется, как правило, в действующей конституции, то несколько иначе это (самоидентифицируемость) выражалось раньше, в прошлом. Скажем, теократизм Арабского халифата начала XI в. (охотное принятие слияния религии с политическим строем при ведущей роли в социальной системе религиозной веры) обосновывался правоведом Аль-Маварди, а затем разработанная им доктрина бралась на вооружение самими халифами, правителями.

Прошлое (коль скоро оно прозрачно и вразумительно) многое проясняет. В частности, делает отчетливее, доступнее пониманию акты самоидентификации государства как геополитического центра, вершины мифа. В истории такое уже бывало. Именно подобным образом позиционировался один из первых правителей огромной китайской этноадминистративной общности Чжоу (XI в. до н.э.) – Чжоу-гун. С ним чжоуские правители стали именовать свою страну Поднебесной, получившей мандат Неба. Отождествление Чжоу с Небом означало принятие страной на себя ответственности за состояние всего тогдашнего мира, свидетельствовало о беспспорностью о наличии у нее лидеров высшей власти по сравнению с той, что обладали вассальные или независимые периферийные вожди (предводители).

Приравнивание своей собственной страны к пупу Вселенной – удел не одной только глубокой старины. Иллюстрациями такого плана самоотождествления государства в Новое и Новейшее время снабжают предостаточно. В 1841 г. немецкий поэт Гофман фон Фаллерслебен написал стихотворение, которое начиналось словами: “Германия, Германия превыше всего, превыше всего в мире...”. Почитали его в демократических кругах, привечали и националисты. Но в 1922 г. стихотворение Г. фон Фаллерслебена становится текстом *государственного* гимна Веймарской республики. В период же национал-социализма (1933–1945) фраза “Германия превыше всего!” использовалась как официальное выражение превосходства “арийской расы” над миром. Чем это кончилось – слишком хорошо известно. Восхваление, выпячивание этнического на современном этапе исторического развития контрпродуктивно: дивидендов никаких одни убытки.

О критериях, которым на том или ином отрезке истории отдается предпочтение при соответствующей самоидентификации государства сказано, разумеется, далеко не все. Но и того, что было лаконично сообщено, вполне довольно для постижения некоторой истины: выбор таких критериев определяется конкретными задачами, решаемыми в данный момент публично-властными институтами, власть предрешающими должностными лицами.

* * *

Настала пора перейти к вопросу, пожалуй, главному с праксеологической точки зрения. Каковы функции самоидентификации государства, выполняемые в социуме, организо-

ванном на публично-властный лад? Есть резон говорить по крайней мере о трех таких функциях. Первая – интегративная; вторая (и, наверное, центральная) функция – легитимационная. Третья функция связана с происходящими сейчас процессами глобализации и локализации; она сводится к утверждению (упрочению) государством своего места в мировом политическом сообществе.

Итак, первая социальная функция, которая реализуется посредством самоидентификации государства, – интегративная. Выделяются два глубинных мотива, инспирирующих эту функцию, т.е. деятельность по более тесному объединению, сплочению масс людей, уже ассоциированных в некую общность разными другими зависимостями. Один из упомянутых мотивов (с некоторой условностью именуемый внутренним) апеллирует как раз к исконным, с незапамятных времен бытующим традициям, нормам, ценностям, верованиям и т.п., свойственным названной коллективности. Прежде всего они призваны (по замыслу) еще сильнее укрепить и воодушевить ее, крепче сомкнуть ряды вокруг центра...

Тот мотив, также глубинный, о котором пока речь не шла, можно оценить как внешний по отношению к государственно устроенному социуму, ибо имеются в виду силы (внутренние и наружные), причиняющие ему вред. Рассматриваемый здесь и сейчас мотив – синоним обращения к государству с настоятельной просьбой (требованием?), чтобы оно самоидентифицировалось.

Сложилось и стало привычным мнение, согласно которому самоидентифицировавшееся государство успешнее минимизирует зло, причиняемое чужеродными силами. Надобно непременно прислушиваться к тому, что никакие тяжи так не единят общность, как обида (реальная или воображаемая), которую наносят всякие враги установившихся порядков. Совсем не случайно и не напрасно умные государственные мужи, когда им благоприятствовали обстоятельства, сами искусно создавали внутренних и иноземных противников существующего строя. Одержав победу над своими врагами, они являлись свету еще более мудрыми, еще более значительными персонами.

Легитимационную функцию того явления, что обозначается как самоидентификация государства, нужно обсудить подробнее, нежели функцию интегративную. Объяснение такому заходу дано.

Нередко можно встретить полагание самоидентификации государства величиной одинаковой, совпадающей с его легитимацией. Неверно это! Заблуждение “подогревается” тем, что самоидентификация государства и его легитимация действительно между собой основательно связаны. Однако связь не есть уподобление одного объекта другому, не есть растворение одного в другом. Мало ли в подлунном мире связанных между собой вещей. Даже будучи связанными, они (такова общая закономерность), продолжают сохранять свою самость, остаются самими собой.

Примерное знание того, что представляет собою самоидентификация государства, имеется. А чем является его (государства) легитимация? Термин “легитимация” как непрекращающийся ни на мгновение процесс, который итожится в легитимности, пришел из социологии. Им характеризуется перманентно возобновляющееся убеждение большинства общества в справедливости установления в стране государственности. Посему она этим большинством постоянно одобряется и поддерживается (активно либо пассивно).

Только воспрещается спутывать (отождествлять) легитимность и легальность, что встречается сравнительно часто (и почему-то особенно в словарях). Лексический исток пуганицы очевиден: латинское *legalis*. Но есть ведь еще социально-исторические объяснения существующей разницы значений двух разбираемых терминов. Легальность – соответствие определенных действий, мероприятий, институтов закону, изданному компетентным органом государства. Это принципиально отличает ее от легитимности – состояния оправданности большинством общества своей государственности, наличия у последней духовной опоры, идейного воспомоществования.

В основном двумя путями (методами) достигается вера большинства членов социума в оправданность, справедливость окружающей их политической среды, добывается убежденность людей в полезности для них деятельности поддерживаемого ими государственного аппарата. Один – добровольное принятие и практикование массами (причем без серьезных доводов) экзотически-утопической идеи о том, что въяве имеющаяся, конкретно-историческими обстоятельствами обусловленная форма государства воплощает всегдашние мечтания человека о лучшей жизни на Земле. Второй путь – насильственное подкрепление различными страхами, намеренное внедрение в общественное сознание заинтересованными лицами (группами лиц) той мысли, что образуемая людьми государственность и есть адекватное выражение именно таких мечтаний о достойном человеке бытии. Требуется сильно напрягать память, чтобы проиллюстрировать сказанное реальными примерами, состоявшимися фактами действительности.

Есть возможность теперь вплотную говорить о соотношении самоидентификации государства и его легитимации. Обычно самоидентификация государства, кажется, предшествует легитимации такового. Видится, как правило, что сначала члены государственно-организованного общества (его соответствующие публично-властные органы) отождествляют себя с той или иной чаемой формой ассоциации и лишь затем они изъявляют согласие с ней, демонстрируют доверие всей целостной системе государственных институтов, поддерживают ее.

Разрыва, заметного промежутка во времени между этими процессами (самоидентификацией и легитимацией) нет: практически происходят они одновременно, хотя их связь и носит причинно-следственный характер. Но опасно забывать, что подобного рода взаимозависимость (связь) включает в себя не одно лишь простое временное следование одного события за другим, свершение чего-то после уже наступившего. В ней обязательно есть и связь состояний, претерпеваемых *одним и тем же* объектом. Сейчас наш объект – государство. Оно почти сразу подвергается двум разным воздействиям: самоидентификации и легитимации. Отсюда два его различных состояния, органически сопряженных, однако по времени разделенных. Разделение, верно, в значительной степени условное.

В меру короткий разбор соотношения самоидентификации государства и его легитимации показывает, что первая из названных процедур логически предваряет вторую. А без этой второй процедуры (легитимации) все здание государственности оказывается без столь нужной ему опоры, оказывается стоящим на очень хрупком фундаменте либо оно вообще перестает существовать. Вот и ответ на вопрос в чем состоит легитимационная функция самоидентификации государства. Ответ ясный. Отсутствие самоидентификации государства почти автоматически ведет к его делеги-

тимации, т.е. к утере им одного из самых надежных своих устоев.

Наконец, третья функция, которая выполняется самоидентификацией государства. Если предельно лаконично сформулировать взгляд на нее, то она будет выглядеть как деятельность государства по обозначению самого себя в мировом политическом сообществе (но не только в нем одном), по утверждению и упрочению своего собственного места, своих позиций (интересов) в региональных, а порой планетарных масштабах. Поскольку репрезентация государства, его положение и статус в мире, линии его эволюции изменчивы, всякий раз они исторически конкретны, очень сложно (а точнее – нельзя) обрисовать такую деятельность, протекающую на всех этапах развития человеческой цивилизации лишь какой-то четко определенной краской. Поэтому придется ограничиться (формат журнальной статьи диктует) беглым освещением рассматриваемой функции в контексте происходящих ныне всеохватных процессов глобализации и глокализации.

Самоидентифицирующиеся государства (т.е. национальные, но не в этническом смысле, а в гражданско-политическом) продолжают и сегодня оставаться главными игроками на международной арене. На ней в современный период – период глобализирующегося многополярного мира – проявляет активность большее число разнотипных акторов. Но решающее слово в их взаимодействии все-таки по-прежнему за теми государствами, которые громко заявляют о себе и настаивают (в меру отпущенных возможностей) на осуществлении своего “я”.

Глокализация – оборотная сторона и своеобразное дополнение глобализма. Он (тут никакого секрета нет) в конечном счете направлен на то, чтобы сделать базовые соционормативы современности едиными для всех государств, сделать их универсальными. Люди, выступающие за глокализацию, напротив, усиленно педалируют сложившуюся самобытность нынешнего государства, толкуют чуть ли не

об уникальности каждого существующего национального государства. Они, подчас нарочито, акцентируют необходимость сохранения им того облика, который выделялся бы своей неповторимостью (иным слогом выражаясь – самоидентичностью); они ратуют за государственность, которая движется неким свойственным лишь ей одной особым путем. Однако не следует глокализацию приравнять к антиглобализму. Антиглобализм – в основном экстремистское, леворадикальное движение. У него другие коренные цели, нежели у сторонников глокализации. Например, участники антиглобализационных акций борются с финансовым капиталом, вестернизацией, с насаждением демократии по западным стандартам и т.п.

* * *

Хочется закончить на оптимистической ноте. Увы, не всегда получается. Особенно тогда, когда в поле зрения попадают политические реальности современной России. Как государство, она законодательно “утряслась”, самоидентифицировалась (см. ч. 1 ст. 1, ст. 7 Конституции РФ). Однако в любой самоидентификации искони заложен идеологический компонент. Ей неизменно присущи: специальный подбор аргументов, устраивающие социальные оценки, желаемые идеалы и т.д. В идеологичности самоидентификации и таится заковыка.

Российское общество (наша нынешняя государственность – публично-властная его организация) вышло из советско-коммунистического прошлого, которое покуда до основания не преодолено. Оно (это общество) резко стратифицировано, уровень гражданственности масс в нем досадно низок, общественная ментальность оставляет желать быть гораздо совершеннее. Естественно, что при таком стечении обстоятельств различные слои (страты) неодинаково реагируют на существующую самоидентификацию государства. До их патриотического единения в данный момент далековато.